

АЛЕКСЕЙ ЖИВОЙ

СИМФОНИЯ

Алексей Живой

Симфония

«Автор»

Живой А.

Симфония / А. Живой — «Автор»,

© Живой А.

© Автор

Содержание

Глава 1. АРТОТРОГ	5
Глава 2. ПЕСТРОТА	7
Глава 3. ПРОКЛЯТИЕ	9
Глава 4. КОНТРОЛЬНАЯ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Живой

Симфония

Повесть

*Мы как трепетные птицы,
Мы как свечи на ветру.
Дивный сон еще нам снится,
Да развеется к утру...*
Эдмунд Шклярский

Глава 1. АРТОТРОГ

В пятницу должен был зайти Артотрог. Он и зашел, с большой головой и седыми ушами. Идель еще спал и видел во сне симфонию печальных деревьев. Когда с них облетели последние листья, и пошел снег, Идель проснулся. Он сел на постели, бросив взгляд в окно. Еще не рассвело. В черном стекле отразились запавшие глаза и взлохмаченные волосы.

Идель попытался припомнить, что же было вчера. Но ничего не получилось, – вчерашний день не возник сам собою. Даже самые важные события не смогли пробиться сквозь головную боль, оставшись на окраинах сознания неяркими всполохами и рождая смутное беспокойство.

Тогда Идель осмотрелся по сторонам и прислушался, сделав попытку определиться хотя бы со временем. Время года походило скорее на осень. Снега за окном не было, но в комнате уже было довольно прохладно. Нарушая царившую тишину, шли куда-то часы, почти не различимые во мраке. А в кресле напротив, неожиданным привидением сидел Артотрог. Он курил.

– Давно тебя жду, – пояснил Артотрог свое появление, откинувшись на широкой спинке, и добавил, как бы извиняясь, – Собирайся. Нам пора. Ты же знаешь, она ждет.

– Я чаю попою, – сказал Идель и, натянув на себя свитер, встал, так и не сумев рассмотреть его лица.

Быстро смирившись с тем, что окружающая жизнь непонятна, Идель пошел на кухню. Там, свернувшись в мягкий пушистый клубок, на деревянном полу у батареи спала кошка Пятнаша. Она была черная, с рыжими подпалинами. Идель очень любил свою кошку и мог подолгу играть с ней, разговаривая о всякой всячине. Ему и сейчас захотелось толкнуть тихонько этот теплый комочек и спросить о чем-нибудь. Например, что случилось вчера? Но, он решил не тревожить спящее животное, а тихонько вскипятил воду, налил себе чая и закурил.

В этот час на большой кухне было пустынно и не уютно. Потому он не стал садиться за стол, а, оставшись у окна, глубоко затягивался, разгоняя огоньком сигареты тьму, и вновь пытался рассмотреть серый мир. Ночь за окном еще существовала, но быстро сдавала свои права. Холодный воздух заставил съежиться осенние лужи. Земля постепенно готовилась к приходу снега. Глядя на все это, Идель вспомнил свой сон, и симфония снова зазвучала в нем, просочившись наружу тихими звуками.

– Послушай, – сказал он возникшему из-за спины Артотрогу, – Как здорово.

Артотрог окутался клубами едкого дыма и, помолчав, ответил:

– Странно. Я не сплю уже восьмой день, но ничего похожего не слышал. Это действительно здорово.

Под столом забегали измученные бессонницей мыши. Их вспугнули голоса. Пятнаша открыла один глаз, повинаясь инстинкту, но ей было ужасно лень просыпаться, и глаз снова закрылся.

– Нам пора, – напомнил Артотрог и, вынырнув из клубов дыма, направился к двери.

– Повинуюсь, – кивнул Идель.

Допив свой чай, он погладил дремавшую кошку и, надев длинное коричневое пальто, последовал за ним.

Покинув квартиру, две фигуры бесшумно спустились по широкой неосвещенной лестнице. Толкнув массивную дверь и оказавшись на улице, Идель поежился, – осенняя прохлада мгновенно окутала его, растекаясь по коже, словно он был раздетым. Его спутнику было все равно. Артотрог не ощущал ни холода, ни жары.

– Идем, – напомнил Артотрог, тряхнув седыми ушами, – Нам пора.

Покидая центр города, застроенный старыми домами, они шли очень долго на север дворами, затем через мосты, потом по бесконечным крышам, подвалам и опять дворами. Идель едва поспевал, пробираясь в полумраке по чердакам и лестницам, боясь отстать от друга, который шел словно по компасу не обращая внимания на препятствия. Артотрога будто что-то несло вперед или подталкивало в спину.

– Быстрее, я боюсь не успеть, – говорил он, кутаясь в свои седые уши, и все прибавлял шаг, – осталось мало времени.

– I am hot, – скулил Идель, – может, отдохнем?

Но Артотрог его совсем не слушал и летел вперед. Наконец, завернув за угол обшарпанного дома и нырнув в очередную подворотню, похожую на сотни других в этом городе, они остановились.

– Это здесь, – сказал шепотом Артотрог и уставился в небо.

Идель тоже закинул голову.

Дома обступили их, словно стены глубокого колодца. Куда-то исчезли почти все звуки городской предрассветной суеты. Кутаясь в свое длинное пальто, во внезапно наступившей тишине Идель слышал, как на другом конце города бился в окно мотылек, пытаясь добраться до лампы. Медленно капала из незакрытого крана вода. Гудели электрические провода, пропуская ток. И вдруг он ощутил едва заметное дрожание воздуха. Из глаз потекли слезы, размазывая ломаные силуэты проявившихся с рассветом крыш.

– Смотри! – закричал Артотрог, вскинув руку, – Это она!

И в ту же минуту упал, сраженный молнией, ударившей ему в глаза. Идель в ужасе бросился прочь. Ему мешали стены, постоянно выраставшие перед ним, улицы вдруг обрывались тупиками или никогда не кончались. Молнии, бившие с неба, обжигали пятки. Он метался из одной подворотни в другую, стучался в двери, кричал, пытаясь разбудить людей и найти спасение. Но город словно вымер. Никто не открыл ему. В конце концов, Идель выбился из сил и, прислонившись спиной к стене, стал ждать. И вдруг, словно пытаясь укрыть его от опасности, с неба хлынули теплые струи дождя.

Глава 2. ПЕСТРОТА

Трамвай остановился у парка Челюскинцев, и, скрипнув дверями, выпустил спешащих людей. Среди них был и я, тот, которого звали Игорь. Тогда я еще хипповал и носил длинные волосы. Впрочем, они были слишком густые, поэтому со стороны я часто казался не хиппаном, а просто лохматым парнем. Пришлось обзавестись холщовой торбой, ксивником и феньками, чтобы не путали.

В длинном зеленом свитере и джинсах – осень еще была теплой, – я направился через рельсы к своему техникуму, где учился уже на втором курсе. На боку у меня висела беременная торба, готовая в любой момент разродиться пакетом со спортивной формой. Сегодня кроме двух пар математики и физики, у меня должна была проходить физкультура. К сожалению, не в бассейне, – он у нас шикарный, на зависть всем институтам, – а жаль, поплавать я любил. Правда, не долго. Здоровья не хватало долго плавать, начинал задыхаться.

Преодолев шумный проспект и обогнув круглую площадь, у входа я столкнулся с Профессором.

Это был мой умнейший друг, который разбирался в математике и стихах, читал Библию и слушал БГ, поэтому его уважительно звали Профессором. Я же слыл скорее гуманитарием, в математике разбирался с трудом, едва из-за нее не вылетел уже с первого курса. Спасибо Галине Карповне, не дала загубить молодую жизнь, хотя двойки ставила регулярно, понижая мою самооценку. Но выкарабкался, в конце концов, и перевелся. А на втором курсе жить стало веселее.

Вход в техникум был широкий, с грандиозными дверями и длинными гранитными ступеньками, на концах которых любили посидеть свободные студенты. Иногда даже покуривая в наглуую, когда не было поблизости преподавателей. Вот и сейчас Профессор и еще человек пять, робко озирались по сторонам, желая пригубить косяк перед первой парой. Но время было неподходящее, ранее время, зовущее на учебные подвиги. Отовсюду, покинув резиновые трамваи, бурными ручейками стекались к главному входу студенты и преподаватели.

– Хиппуешь, плесень? – кивнул я Профессору.

Среди других студентов моих знакомых не было.

– Хипую, – согласился Профессор, которого в миру звали Роман, поправив очки, черный берет и нервно сжав пачку сигарет в кармане короткого плаща, – вот покурить хочу, но боюсь.

– Правильно, бойся дальше, – посоветовал я, – вон физичка идет, а за ней и химичка. Сейчас они нам дадут прикурить.

– Здравствуйте! – согнулись мы в полупоклоне, когда учителя одновременно поравнялись с нами.

– Роман, – назидательно заметила едкая химичка, – ты, когда пострижешься, наконец? Хочешь, чтобы тебя за внешний вид из техникума отчислили?

Рядом с Профессором, длинные прямые волосы которого опускались ниже плеч, я опять сошел просто за лохматого, здорового, но немного запущенного парня, а сам Профессор скромно промолчал. Он, хоть и выглядел как бледная немощь, был готов отстаивать свои убеждения и длинные волосы до конца. Хотя и очень мирно. Профессор был убежденным пацифистом и в армию идти не хотел. А потому морально готовился косить под психа, чтобы получить белый билет. Или укрыться в монастыре. Пока варианты были.

Не дождавшись ответа, учителя вошли в здание. Сквозь открытую дверь до нас донеслась трель первого звонка. Я уже было собрался войти внутрь, но засмотрелся на разношерстных студентов, толпой спешивших на занятия. Нам с Профессором довелось дожить до семнадцати лет, когда в стране вдруг наступила свобода. Еще по привычке прессовали за длинные

волосы, но жизнь из серо-стальной вдруг в одночасье стала пестрой. Раскрасилась красками и зацвела, запела на все лады. Оказалось, что среди простых студентов есть множество странных людей, которых верховые окрестили неформалами. Только в нашей группе, обретавшейся на иностранном отделении и посвятившей радиоаппаратостроению ближайшие четыре года, – или, кому сколько выпадет, – вдруг обозначилось сразу несколько таких групп. Большинство образовались вокруг стержня из любимой музыки, ибо уже родился рок-клуб. Тогда нам показалось, что старый мир развалила музыка. Она проросла сквозь бетон, вдохнув новый смысл в нашу постиндустриальную жизнь.

Мишка Охрей, например, ходил в заклепках и назывался металлистом. К нему прикнули еще человек пять. Мажоры подались в реперы, ибо это было модно. Их могучая кучка состояла из шести человек. Были также рокобилы и битники в косухах, рокеры, панки с раскрашенными гребнями, и вездесущие черно-красные алисоманы, не говоря, конечно, о хиппанах. Но, нас в техникуме было мало, да и то я в душе уже был готов отколоться. Ибо не так давно осознал, что когда у меня появляется немного денег, то я лучше куплю билет на паровоз, нежели поеду в Москву или куда подальше на собаках, как мы на своем сленге называли электрички.

И Профессор уже чувствовал раскол в наших рядах, однажды обозвав меня цивилем за мои несистемные настроения. А я не спорил, меня уже давно смутно тянуло куда-то дальше. Наркотики я не признавал, даже траву. Мне курить-то не очень нравилось, а тем более я не видел смысла расширять сознание, – оно у меня и так будь здоров. А однажды сам БГ-бог нанес удар по взглядам тысяч постоянно посещавших его концерты хиппанов, как-то признавшись, что он не имеет отношения к Системе. В общем, в тот момент мое подсознание уже стремилось куда-то в неясную даль и с Профессором я хипповал второй год больше по привычке. Все-таки он был друг, с которым можно было обсудить много важных вещей. А, кроме того, мы сошлись на почве творчества, – оба писали стихи.

Когда прозвенел третий звонок, мы все еще стояли на опустевших ступеньках, неумолимо опаздывая на урок. Профессор ловил секунды пустоты и, наконец, поймал их. Он выхватил сигарету, поджег ее, три раза нервно затянулся и, довольный как слон, выбросил в урну. А я ждал неизвестно чего.

Вдруг из-за угла массивного здания показалась стайка опаздывающих девчонок, сошедших с гроыхавшего в стороне трамвая. Они едва не бежали, тем не менее, оживленно жестикулируя и успевая болтать на ходу. Среди них была одна невысокая девушка средней красоты, одетая в желтую куртку и черные джинсы. На плече болталась небольшая сумка с тетрадками. Девушка была не совсем Клавдия Шиффер, с виду скромная, но привлекательная, с милым лицом и темными волосами до плеч. Глаза, кажется, голубые. Когда она прошла мимо, бросив на нас короткий взгляд, я проверил, – действительно, голубые. И мне показалось, что взгляд этих глаз был довольно робкий, словно она боялась привлечь наше внимание. Но мое внимание она все же привлекла.

– Ты не знаешь, кто это? – спросил я когда, дверь за ней закрылась.

– Не наша, – рассеянно ответил Профессор, – с другого отделения. Ладно, пойдем учиться. Сегодня же контрольная.

– А как зовут, тоже не знаешь? – задал я риторический вопрос, но Профессора уже проглотила огромная дверь.

Глава 3. ПРОКЛЯТИЕ

Я снюсь ей белым днем. Ей страшно. Неровный, лживый, мерцающий свет расползается по стенам убогой комнатухи, выплывая из угла и делаясь похожим на дым. Она боится меня, как бояться уродливого чудовища. Ведь я преследую ее везде. Она бежит, но не может укрыться в суматохе минут, и даже хаос облаков ее не спасет.

Мысль обо мне будет преследовать ее три столетия. Всего лишь три. Ничтожно, мелко и так мало. Она будет мучиться мгновение по сравнению с тем, что выпало мне. Но хотя бы в нем я буду наслаждаться своей адской мезтью. За все счастье, за годы, выпавшие этому существу...

Дождь, смой ее лик с затвердевшего от времени воздуха и навсегда смешай его с грязью, прилипшей к подошвам моих башмаков. Я пройду по уставшей земле, что согнулась под тяжестью своих детей и стала шаром, и везде оставлю ее тяжкий вздох. Лишь ветер, играя полами моего плаща, утешит ее. Пусть так. Пусть будет так...

Глава 4. КОНТРОЛЬНАЯ

Казалось, что можно поспать еще десять минуток. Всегда так кажется, и всегда их не хватает. Еще чуть-чуть и выспишься, но...это обман. Мама ушла на работу рано, позабыв поставить будильник на нужное время, и Ольга едва не проспала контрольную, к которой так долго готовилась.

Но к счастью время еще оставалось. Она выскочила из постели, быстро оделась, не стала краситься, покидала тетрадки в сумку, наскоро перекусила тем, что оставила мама в холодильнике. И уже направилась к дверям. Но, на пути оказалось зеркало.

– Что-то я плохо выгляжу, – внезапно решила Ольга, поставив сумку на пол, – так нельзя.

Контрольная мгновенно отошла на второй план. За окном призывно зазвенел трамвай, отчаливая от остановки. Но все было тщетно.

Взяв расческу, заспанная девушка стала приводить себя в божеский вид. Для начала она долго расчесывала темные пряди, пока не достигла желаемой мягкости. Затем Ольга переключилась на косметику, почти полностью изгнав с лица сон.

– Теперь нормально, – неуверенно кивнула она своему расчесанному и покрашенному отражению. Сверху все было уже хорошо, но, опустив глаза на одежду, Ольга засомневалась. Здесь явно что-то было не так. То ли цветочки юбки не подходили к кофте, то ли кофта к цветочкам. Одевалась она еще минут пятнадцать, меняя наряды, но безрезультатно. Времени следить за собой катастрофически не хватало. Особенно сегодня.

– Ладно, некогда уже, – сдалась Ольга, натягивая джинсы и желтую куртку, – не на бал иду. Итак, почти опоздала.

И направилась к дверям. Но, проходя мимо тумбы в коридоре, на которой лежала ее любимая игрушка, – заяц хороший, его надо погладить, – не удержалась и погладила. А рядом лежал еще мишка с бантиком, которого ей подарили на прошлый день рождения.

– Контрольная по математике, – напомнила себе Ольга, – Ирина Степановна меня не поймет, если я все завалю, она ведь так надеется на меня. Я у нее любимая ученица, после Светки.

Объяснив все это зайцу с медведем, Ольга раскрыла дверь и оказалась на лестнице. Решив, что пешком быстрее, она проскакала несколько пролетов с четвертого на второй этаж, но тут на ее пути возникла соседка, державшая на поводке микроскопическое лохматое создание по имени Бася. А Бася, подстриженный как пушистый шарик, был такой лапусей, что Ольга не смогла удержаться. Минут пять она разговаривала с соседкой о погоде и гладила урчащего от удовольствия Басю. Но, наконец, оторвалась от него и грозно напомнив себе о контрольной, вышла из подъезда.

До техникума было не так далеко, всего три остановки на трамвае или минут двадцать пешком через парк. У нее оставалось не больше пятнадцати минут на все. К счастью подошел трамвай и Ольга забралась в него вместе с другими спешащими людьми, едва не оставив снаружи все свои тетрадки. Протиснувшись в середину сквозь плотную толпу, она несколько раз похвалила себя за правильно выбранную одежду и тут обнаружила, что стоит рядом с девочками из своей группы. Это было серьезное облегчение, поскольку опаздывать одной было совсем некрасиво, а вот вместе с пятью подругами, из которых две, Маринка и Светка, ходили в отличницах, еще ничего. Железная Ирина Степановна могла и смягчиться. В конце концов, кто же должен написать контрольную хорошо, если не они трое? От этих мыслей Ольга заметно повеселела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.